

*Бабушке, маме и сестре, а также
моему долгому пути к осознанию
того, что быть женщиной — значит
быть великой.*

Даша Пахтусова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господи, что тут писать... Так...

Привет, меня зовут Даша. Большую часть своей жизни я провела в путешествиях и самых разных приключениях, о чем я писала в своем блоге. В 2019-м на свет вышел мой роман под названием «Можно все». Это была автобиографическая книга о семи годах жизни в дороге и обо всем, что я за это время поняла. На написание и издание ушло добрых три года.

Короче говоря, вышел огромный талмуд, после издания которого я была в серьезной панике. Мне казалось, что я сказала ВСЁ. Вы представляете, что такое для писателя — сказать ВСЁ? Но потом я подумала: раз мне пока ничего рассказать, может быть, настало время послушать других?

Ведь каждый из нас — кладезь невероятных историй, самого разного, порой волшебного, порой страшного опыта. Мы — набор уроков, провалов и побед. Вся наша жизнь — это путь к совершенству. Возможно, мы достигнем его к финалу, а может, нет. Но мы учимся. Как правило, исключительно на своих любимых и дорогих впоследствии ошибках. Делаем выводы, ставим их «черепашками»¹ на оставшиеся годы и продолжаем жить дальше.

¹ Речь идет о мифе, что мир стоит на огромной черепахе. То есть мы ставим свой мир, берем за основу построения своей дальнейшей жизни сделанные путем проб и ошибок выводы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Можно сколько угодно считать свой опыт уникальным. Но правда в том, что никто не круче, нас просто перетасовали и дали каждому изначально разный расклад. Наши декорации могли отличаться, но выводы... Будут ли они разниться? Или все мы в общей сложности скажем об одном? Что, если каждый из нас поделится друг с другом чем-то, что стоило ему потраченных лет, слез, пота, крови? Научимся ли мы чему-то на опыте других?

С такими словами я предложила своим читателям выпустить вместе книгу «И тогда я понял». Оставила свой имейл и указала одно правило: текст должен содержать эти слова. И письма полетели. На удивление, практически только от женщин. Сначала я расстроилась, стала пинать подписчиков-мальчиков. А потом, по мере чтения, меня увлекла та невидимая нить, которая тянется через все эти женские истории. В чем она?

Это мне скажете вы.

Я просила указывать названия городов, где они родились и где живут сейчас. Мне кажется, это интересно. Хронология историй не менялась. Они идут друг за другом по мере поступления на мою почту. Мы не стали перетасовывать их на подтемы или настроение, а предоставили Вселенной самой рисовать свой узор. По мне — жизнь хаотична и не поддается порядку. Целью проекта было в том числе показать это.

Перед вами истории актрис и пианисток, врачей и студенток, балерин и работников колоний, химиков и режиссеров, писательниц и гимнасток, мам и дочек... Это книга о нас. Это наша книга.

Спасибо нашему иллюстратору Ане Старцевой, редактору Маше Кожевниковой, Лере Григорьевой, с которой мы записываем аудиокниги, это она убедила меня подавать проект в издательство. И всем, кто доверил мне свои письма. Они все были прекрасны.

А кто-то уже ведь по-любому написал:
«И тогда я поняла, что надо было брать
2/знак бесконечности бутылки?»

*Настя Дягилева,
автор одного из рассказов*

НОЧЬ В НЕВЕСОМОСТИ

ВЕРОНИКА ЛЫСЕНИНА

Томск — Бали

Писательница

История эта с времен, когда я работала на круизном лайнере посреди Тихого океана. Это был мой первый и последний контракт. Я ничего не знала ни о морях, ни о качках в океане, ни о судах. И вообще жизнь меня к такому не готовила. Я оказалась там по воле судьбы.

Работа казалась легкой и сказочной на бумаге: хранительница вин — сомелье с бесконечно свободным временем для исследования новых стран и континентов. «Главное, вечером немного работать для стареньких гостей-миллиардеров, открывать настолько же дорогие и старинные вина», — звучало в моей голове. Наяву все оказалось немного иначе, термин такой есть — «рабство». Работали мы по 18 часов в сутки, а когда судно в океане, то и все 20 вкалывали. Однако вина и гости и вправду были старые и дорогие. Мистеру Тому было 102 года, а самому молодому пассажиру — лет 75... Они-то уже жизнь повидали, а мне было лет 26, и я помирать была не готова.

Но забудем о внешних моментах и спустимся в глубь истории — на нижние палубы, куда гостей не пускают и нет ни окон, ни дневного света, только волны бьют об ил-

люминаторы. Палубы те находятся ниже water line¹, то есть под водой, — там-то мы и жили. И среди всех этих извилистых туннелей и переходов есть 15 квадратных метров, где каждый вечер начинает работать «Бар для Трудяг», мечтающих стереть воспоминания о бесконечном рабочем дне.

Музыка гремит до двух ночи, из этого периметра валит клубами дым от сигарет, и с десятка три человек пытаются снять стресс. В руках каждый из нас держит как минимум изысканный односолодовый Macallan² или Glenmorangie³, заблаговременно стащенный из позолоченно-дубовых шкафов верхних палуб. В этом сомнительном месте есть своя харизма и шарм, среди толпы офицеров и хостес, метрдотелей и ресепционистов, здесь пиджаки висят на плечиках стульев, а девушки развязывают галстуки с рубашек.

С минуты на минуту начнется шторм.

Я наблюдала за всем как будто со стороны, и мое тело не знало, к чему готовиться, пока нос корабля не подкинуло вверх. Первая волна — семь метров, она же самая мощная — подкинула нас ввысь. Тот момент невесомости, когда ты привстаешь на цыпочки и все твоё тело тянется макушкой вверх, бокал не поспевает за высокоградусным напитком, и вас тут же прижимает вниз. Тело, как пружина, сжимается вновь, и твоя голова уходит в плечи, а легкие — в живот. Ты узнаешь, что такое килевая качка (нос-корма).

Но не тут-то было, бортовая (с боку на бок) качка идет следом. И ты, перебирая ногами под собой, летишь влево, взлетая вверх, и тут же вправо, вжимаясь обратно вниз.

¹ Water line (англ.) — линия воды относительно судна.

² Macallan — шотландский бренд виски из региона Хайленд.

³ Glenmorangie — шотландский бренд виски из одноименной винокурни в Хайленде.

Бывалый коллега кричит: «DJ, ставь джаз!» — и начинается полный рок-н-ролл. 5 метров удар... 7 метров: все летят вверх, 4 метра... удар, волны длиной в 60 метров, в starbord side (правый борт), 5 метров... удар, волны в port side (левый борт).

Полночь. Во тьме бурлит океан, а вместе с ним — еще где-то 12 палуб теплого света, с пятьюстами пассажирами, летающими на своих кроватях в такт с природой. За окном завывает неугомонная стихия, шторм — 6,5 балла, а дым сигарет заполняет все иллюминаторы, под водой грохочет блюз, и три десятка человек выполняют чудеса эквилибристики. Пройти больше двух шагов, не врезавшись в стену или с кем-то не столкнувшись, не получится. И от этого становилось только веселее. Новоорлеанский джаз завел

всех, и ноги вдруг научились танцевать твист, и джайв, и хастл, и свинг, и рок-н-ролл, виски льется рекой... Мы буквально живем в ту ночь, веря только в Бога и музыку. Еще удар 65 метров, я лечу вверх, молодой офицер тоже летит, ловит мой взгляд, приземляясь, хватая меня за руку и кружит в такт с бешеным ритмом джаза, ах! Спасибо, Луизиана, за музыку! Мы все летаем вверх и пружиним вниз. Так океан укоренялся в нашем мировоззрении, во мне. И только тогда я поняла, что значит отдаться стихии и просто жить секундами вдоха и выдоха, на полную катушку, ведь, веря в силу капитана, мы знали: нам повезет, и мы пройдем дьявольский Бассов пролив, отделяющий Тасманию от Австралии. А если нет? Тогда у нас останется джаз и драйв с улиц Нового Орлеана...

Качка не стихала 5 дней. Мы работали, пили, ели, смеялись, танцевали и верили в Бога. Наши движения стали плавными, а отношение ко всему — чуть спокойнее и добрее. Когда мы достигли суши, судно отправили в док на починку разбитых палуб.

А мы, сойдя на твердую землю, пошли по ней, но взгляд остался устремленным вдаль, наверное, в ту стихийную ночь в невесомости.

ЧЕГО ХОТЯТ МУЖЧИНЫ

ТАНЯ КНЯЗЕВА

Воронеж

Лэшмейкер

Детство, как полагается в отличных книгах, у меня было сложное. Изредка появляющаяся мать, множественные отцы-наркоманы-алкаши-слегка педофилы, бабушка, которая кормила ролтоном на протяжении долгого времени. Отсюда, конечно, все сложности с социальной адаптацией. Работать я начала рано, спать с мужчинами тоже — все лет с тринадцати. Стала взрослеть во всех смыслах. И тогда я поняла, чего хотят мужчины и как я могу ими крутить, получая блага этого мира. В 18 лет пошла в стриптиз. Хотя стриптизом это место называлось условно. Подвал, в котором девки продавались (не задешево... Слава богу?), за 20—25 тысяч рублей.

Началась «веселая» жизнь. Череда приключений, шальных денег, которые уходили быстрее, чем приходили, наркотиков. Как-то зимой мы с подружкой убегали по частному сектору без денег и вещей от двух негров, которые очень хотели нас «в два смычка». Однажды меня и еще трех девчонок пьяный фээсбэшник «выкупил» из клуба и повез кататься. Завез в лес, достал из бардачка ствол и начал подробно описывать, как с помощью этого «красавца» может черепа нам раскрошить. И ничего ему

за это не будет. И тогда я поняла — второй жизни у меня не будет.

И схоронилась. От всего плохого и хорошего. Нашла обеспеченного парня и стала его любимой «дочуркой». О которой заботятся, которую оберегают, но не трахают, детей ведь трахать нельзя.

Три года жила как в пузыре. Как в лоне у матери. Все тихо, спокойно, комфортно, без особых происшествий. Без плохого и хорошего — нейтрально. А потом я начала болеть. Одно, другое, третье. И вот сейчас я поняла, что получила эту родительскую любовь, которая была мне нужна, и готова наконец вырасти и стать взрослой, стать женщиной.

Пакую чемоданы. Пакую мысли о новой жизни. Я разрешила себе мечтать и осознала, что двигаться можно в любую сторону, можно все.